

**«Литературная реальность»
новой прозы в Польше,
или Роль исторической памяти
в презентации польскими издательствами
новой российской литературы**

Аннотация:

В данной статье представлена иллюстрация деятельности и продукции одного из польских издательств — «Выдавництво Чарне», выпускающего новинки новой русской литературы. Выбирая тексты, отвечающие задуманному проекту (т.е. несущие в себе «память» о недавнем коммунистическом прошлом), оно проектирует, конструирует образ, систему взглядов, представление о российском литературном процессе и о России.

Ключевые слова:

русская проза, историческая память, издательство.

Irina A. ERMASHOVA
(Poznań)

**«Literary reality»
of the new Polish prose,
that is the role of historical memory
in the presentation of new Russian literature
by Polish publishersy**

Abstract:

The article presents the operation of the one of the biggest publishing houses in Poland, namely «Wydawnictwo Czarne». The publisher specializes in new Russian prose. «Wydawnictwo Czarne» provides the reader with works presenting memories of recent communist past in Russia, and by doing so it constructs and broadcasts the vision, system of thoughts, and image of Russian literary process in Poland.

Keywords:

Russian prose, historical memory, publishing house, Poland.

I. Новая русская проза в Польше

Новая русская проза в сегодняшней Польше — «репертуар» произведений, появившихся в польских печатных переводах в нулевые годы и после. Совершенно очевидно, что по разным причинам этот репертуар имеет выборочный характер — возможно, отчасти случайный, коммерческий, хаотичный, организованный, зависимый от разных факторов — и представляет собой только некий фрагмент из всего того, что пишется и публикуется в России, но именно этот фрагмент представляется интригующим и исследовать его стоит. Совокупность новых переведенных книг, формирующих читательское мнение и образное представление о текущем литературном процессе в России и о России в том числе, представляет собой новый виток развития в рецепции русской литературы. Сегодня создается — сознательно или случайно (это еще предстоит понять) — некий (переводческий или издательский?) «проект» восприятия или освоения русской прозы, в котором роль истории и памяти, недавнего прошлого — позднего советского и раннего постсоветского — так или иначе играет существенную, а иногда и приоритетную роль.

В данной статье я хотела бы проиллюстрировать деятельность и продукцию одного из издательств — «Выдавництво Чарне», выпускающего новинки новой русской литературы. Оно является одним из «проектировщиков», конструирующим образ, систему взглядов, вносящим вклад в представления о российском литературном процессе и о России. Выбранный пример продемонстрирует некие тенденции в подборе текстов польскими издательствами, благодаря которым:

- 1) возникает определенный образ новой литературы соседней страны;
- 2) сопоставляется опыт, проводится своего рода диагностика общественного сознания и психологии;
- 3) поддерживается или разрушается ряд мифов, стереотипов и т.п.

II. «Выдавництво Чарне»

Список издательств, выпускающих русскую, советскую, российскую литературу в польском переводе, обширен: «Знак», «В.А.Б.», «Выдавництво Чарне», «Муза», «Зелёна Сова», «Выдавництво Литерацке», «Инсигнис», «Выдавництво Искры» и многие другие. Часть их занимается классикой, переизданием или изданием новых переводов,

а часть — отслеживает и пропагандирует новинки. Профиль одних — фантастика, фэнтези, других — альтернативная история, шпионский роман; направление третьих — концептуальная и постмодернистская литература. Одни из них более продуктивны, другие — менее. В контексте литературного процесса в целом это производит впечатление, но стоит помнить, что выбор отдельных издательств специфичен и часто продиктован коммерческими интересами. Вместе с тем бывают и исключения, например, когда издательство придерживается определенной политики, идеологии и предпочтений.

«Выдавництво Чарне» — небольшое частное независимое издательство, известное не только своей продукцией с характерным графическим дизайном и узнаваемым логотипом, но и леволиберальной ориентацией. Последняя в некоторой степени определяет специфику издаваемой литературы и выбор рецензентов. Независимое издательство существует с 1996 г. Его название происходит от почти исчезнувшей деревни Чарне, находящейся в Низких Бескидах. Принадлежит издательство его основателям и владельцам, супругам: Монике Шнайдерман, антропологу, и Анджею Стасюку, известному писателю и поэту. В конце 1980-х гг. пара совершенно случайно, как вспоминает М. Шнайдерман¹, занялась издательским делом, не зная не только издательской «кухни», но и находясь далеко от цивилизации, в маленькой глухой деревне Воловец, где в данный момент находится главная штаб-квартира. Сегодня это одно из известных частных издательств, в котором официально работают 22 человека и у которого имеется несколько площадок в разных городах.

История развития издательства имела ряд отправных точек, которые и стали главными ориентирами. Прежде всего, при подборе текстов издатели ориентировались на выпуски польского ежемесячного журнала мировой литературы «Литература на Свете» («Литература в мире»). Именно там, по признанию основателей «Чарне», они обнаруживали самые интересные литературные тексты. Таким образом они познакомились с творчеством писательницы Герты Мюллер, творчество которой посвящено социалистической действительности Румынии, политической цензуре, повествованию о жизни человека в условиях диктатуры, преследованию диссидентов и т.д. Творчество обладательницы Нобелевской премии и проза других писателей, в текстах которых прослеживается осмысление коммунистического прошлого, диагностика сознания и психологии общества после трансфор-

мации — все это породило идею создания издательской серии «Inna Europa, inna literatura» («Другая Европа, другая литература»), в которую вошли переводы прозы авторов, происходящих из стран бывшего социалистического блока, которых объединяет память о недавнем прошлом и травматические (у каждой страны — свои) переживания/воспоминания. Данная серия стала попыткой создания общего пространства (базы художественного материала) для осмысления опыта, для иллюстрации исторических процессов и проблем времени бывших соцстран и советских республик.

Стоит отметить, что издание российской прозы не являлось и не является профилем «Чарне». Главный акцент делается на литературу Центральной Европы и Балкан, увлечение которыми началось в конце 1990-х, когда в каждой из бывших соцстран нарождалась молодая проза, каждая из литератур проходила трансформацию, фиксируя переход социализма в капитализм. Тексты печатались разные — албанские, балканские, литовские, украинские, венгерские, чешские. Спустя некоторое время издательство «Чарне» обратилось и к российской прозе, с которой у прочих литератур бывших соцстран, с одной стороны, много точек соприкосновения, с другой — порой обнаруживается явное несовпадение в «градусе» переживаний и подходе к недавнему прошлому (неосентиментальные тенденции в новой российской прозе).

Другой важный ориентир при подборе текстов — тяга к малоизвестному и малоисследованному; окраина, периферия цивилизации, судьба и мнение простого человека.

Эти два ключевых направления определили жанры издаваемой литературы. Кроме польской и мировой художественной прозы, издательство специализируется на литературе факта, эссеистике. К области особых предпочтений относится современный репортаж в его различных тематических и жанровых проявлениях, литература путешествий, документальная литература, биографии и исторические книги. В каталоге авторов мы найдем такие имена, как: Анджей Стасюк, Кшиштоф Варга, Юрий Андрухович, Герта Мюллер, Пол Теру, Яцек Хуго-Бадер, Войцех Тохман, Мачей Заремба, Павел Смоленский, Мариуш Щигел, Тадеуш Конвицкий, Светлана Алексиевич, Лидия Осталовская, Ляо Иу, Колин Таброн, Карл-Маркус Гаус, Мартин Поллак, Яхим Топол и многие другие выдающиеся писатели, журналисты, признанные исследователи, всемирно известные имена и перспективные дебютанты.

Визитной карточкой издательства стали три основных серии. «Сулина» — литература факта, исследование феномена наследия и современности Центрально-Восточной Европы, «с ее секретами, которых она стыдится, и глубоко скрытыми тайнами»² (например, «Моя Европа» Юрия Андруховича и Анджея Стасюка, «Путешествие на Аляску» Боры Чосича). «Репортаж» — одна из самых узнаваемых на книжном рынке серий прозы non-fiction, закрепившая в Польше моду на литературный репортаж. Включает в себя книги выдающихся польских и зарубежных писателей-репортеров (например, «Время секунд хэнд» Светланы Алексиевич, «Якутск» Михала Ксёнжека). И, наконец, серия «Другая Европа, другая литература», в которой публикуется проза авторов из Венгрии, Румынии, Украины, бывшей Югославии и России (Юрий Андрухович, Адам Бодор, Данило Киш, Тарас Прохасько, Сергей Жадан). Именно в этой серии и предлагаются книги новой «другой» российской прозы и образ «другой России».

III. Образ новой прозы

Книг немного, но каждая из них прошла «контроль качества» не только в самой России, но и в других зарубежных странах, о чем свидетельствуют разного рода литературные премии, читательское признание или активное неприятие. Пожалуй, главное, что объединяет их всех, это: 1) тематика: поиск новой России, знакомой и незнакомой, понятной и непонятной, одновременно похожей и непохожей на Польшу — причем интерес вызывает не центр, а периферия, ее дальние закутки и судьбы простых людей; 2) эстетика: доминируют оттенки безумия, патологии, потери, сатирический взгляд и горький юмор; 3) все эти книги являются — по мнению издателей и рецензентов — критикой позднесоветского периода или арт-протестом против постсоветской действительности.

Описание серии «Другая Европа, другая литература» на сайте издательства гласит: «это экзотическое путешествие по неизвестной Европе, литературное сафари по местам, о которых практически ничего неизвестно. Серия [...] является продолжением программы, реализуемой с начала существования „Выдавництва Чарне“: представлять наиболее интересную литературу центральной, восточной и южной Европы. Такую, которая дает читателю волнующее чувство открытия новых, неизвестных, хотя географически не столь отдаленных миров»³.

В качестве «наиболее интересной литературы» российский мир представляют следующие книги: «Дурочка» (2000) Светланы Василенко, «Санькя» (2006), «Патологии» (2005) Захара Прилепина, «Россия: общий вагон» (2008) Натальи Ключаревой, «Я чеченец» (2006) Германа Садулаева, «Время ночь» (1999) Людмилы Петрушевской. Этой точечной подборке сопутствуют аннотации, отрывки рецензий и комментарии известных польских питателей, критиков, журналистов, блогеров, которые служат проводниками для читателя. На что обращают внимание эксперты?

«Дурочка» Светланы Василенко⁴ — аллегорическая история о немой «дурочке», родившейся в маленьком военном городке, родители которой решили избавиться от «позора», положив ребенка в колыбель и пустив по реке навстречу сиротской судьбе. Позже эта Дурочка, а точнее святая, будет спасать мир от атомной войны. В этой почти сюрреалистической картине о жизни Дурочки особенно комментаторы подчеркивают желание автора показать прошлое советской республики в осколках кривого зеркала, где отражаются «старинные легенды, НКВД, клады, пионеры, атаманы, чудеса, православные обряды»⁵, где всё построено на контрасте, сочетании жестокости и красоты: «Реалии эпох Сталина и Хрущева соединяются в книге Василенко с древнерусской легендой, пионерские песни с религиозной мифологией. Удивительный коктейль», — заключает А. Жебровская⁶.

Комментаторов привлекает не только ревизионизм, попытка разобраться с прошлым — сталинским и хрущевским, являя второе дно человеческих отношений, «ад советского террора», но и также особый язык произведения: «языковая прозрачность и эластичность», сатирический взгляд и горький юмор, калейдоскоп невероятных историй, балансирующих на границе басни и аллегии, а также узнаваемость традиции. Мотив больного ребенка, мотив юродивой, которая «своим замутненным сознанием возвышается над безумием современности» напоминает А. Поморскому героев произведений Достоевского и Платонова, а фантазмагория «Дурочки» — «иронично inferнальную прозу Конвицкого»⁷.

Если роман-жизнь привлекает своим сюрреализмом, то произведения Захара Прилепина «Санькя» и «Патологии», впрочем как и биография самого автора (члена национал-большевистской партии, ветерана двух чеченских войн, писателя, журналиста, музыканта, отца большого семейства) оказываются феноменом иного рода. Пред-

ставленные в них явления — экстремистская национал-большевицкая партия сегодня и патология чеченской войны — для польского читателя — явления все еще новые, непознанные (а что касается неობольшеви́зма, соединяющего под имперскими лозунгами коммунизм, неонацизм, национализм и анархизм — непонятные).

Санька, или Саша Тишин, имя главного героя книги. Ласковое прозвище, данное бабкой и дедом, предполагает мягкий и кроткий характер, однако молодой человек — бунтарь, агрессивный интеллигент, член экстремистской национал-большевицкой партии. Он, как и его соратники, умен, гневен и любит родину, но во имя этой любви к матери-России готов разнести половину города и, если надо, погибнуть. Публикация перевода данной книги Прилепина есть некий призыв издательства разобраться, что движет такими молодыми людьми, какая правда стоит за ними, в чем суть их духовного и политического созревания и как выглядит одно из проявлений русского патриотизма в постсоветское время? «В контексте „Бесов” Достоевского и „Борцовского клуба” Паланика Захар Прилепин рисует портрет современных российских революционеров, сомневающих в смысле террористического бунта. Можно сказать, что это бескомпромиссная, мужская и в огромной степени автобиографическая книга», — замечает П. Кофта⁸.

«Патологии»⁹ — своего рода продолжение поиска знаний о России. Тема войны, возведения ненормальности в степень нормы, превращения человека в машину-мясорубку — тема не новая, но именно чеченская война глазами российского наемника представляется здесь новым словом и неким документом недавнего прошлого. Сюжет простой: глазами спецназовца Егора Ташевского мы наблюдаем картину безжалостной чеченской войны, картину военной патологии, где нет места состраданию, главенствует только инстинкт самосохранения. Воспоминания о полной спокойствия нормальной жизни вне войны кажутся сном. Сильная «мужская» книга, о страхе и ежедневных встречах со смертью, «оглушает, как выстрел из гаубицы, и остается в памяти, как кровавые картины с поля боя»¹⁰. Это документ психологического состояния прошедших войну, в том числе самого автора. «Его книга провоцирует вопрос, где заканчивается нормальность и начинается патология», — пишет М. Вильк¹¹.

В продолжение чеченской темы — контрапунктом — книга Германа Садулаева, чеченца по национальности, «Я чеченец»¹² (2006), в России опубликованная издательством «Ультра. Культура», специали-

зирующимся на публикации радикальной и «альтернативной» литературы. Цикл повестей и рассказов, большинство которых объединяет место действия — Чечня 1990-х гг., — повествует не только о шокирующей войне, но прежде всего о том, кто такой чеченец и каково быть чеченцем в сегодняшней России, о том, какого быть «чужим» у себя, на родине (проблема межнационального/межэтнического контакта; проблема создания общероссийской национальной идентичности при многонациональном составе населения страны): «И есть чеченцы, которые женаты на соплеменницах, говорят на родном языке, по два раза в год вывозят детей в Чечню и, собираясь туда, называют это не иначе как „домой“. Они не называют домом то, где живут сейчас, даже если это их собственные квартиры, купленные или приватизированные. Но их все меньше. Новое поколение дружит с русскими девушками, ходит на дискотеки, не собирается возвращаться в село. А есть мы, которые потеряли корни уже давно, еще до того, как начались войны. И мы скитаемся, „подобно облаку, разорванному ветром, не находя пристанища ни в том, ни в этом мире“. Мы стали чужими там, мы никогда не станем своими здесь. Мы бы даже не помнили, мы бы давно забыли, что мы чеченцы, но нам напоминают об этом. Россия делает всё для того, чтобы чеченцы стали настоящей нацией, единой и монолитной, и каждого птенца, выпавшего из гнезда, она силой запихивает обратно»¹³.

Приведенный фрагмент иллюстрирует практически все затронутые темы в книге «Я чеченец»: потеря корней, чувство национальной гордости, протест против созданного СМИ образа чеченского беженца в постсоветском пространстве. Именно это стало откровением и не оставило равнодушными литературных критиков: «„Я чеченец“ — это полный боли роман о потере родины и разрыве с миром предков»¹⁴ (Б. Мажец); «Некоторые путешествуют в пространстве, а этот Садулаев увлекает нас в путешествие вглубь чеченской души. Необычная книга. Ее можно прочитать за один день, но вы не сможете забыть о ней на протяжении многих недель. Герман Садулаев пишет о том, как трудно быть чеченцем. Сами убедитесь насколько» (П. Решка)¹⁵.

Следует отметить, что выбор книги отвечает не только позиции издательства «Выдавництво Чарне», предоставляющего голос разным точкам зрения, но и предпочтениям польского читателя, для которого значимы такие понятия, как историческая правда, чувство независимости и национальной гордости.

Панораму России середины нулевых годов, России «снизу», в которой зафиксирован всплеск народного гнева, польский читатель может увидеть в романе Наталии Ключаревой «Россия: общий вагон»¹⁶ (2008). Польский перевод названия таит в себе лингвистическую игру, которая, впрочем, гармонично отвечает отношениям многих поляков к русской культуре: «Pociąg do Rosji». С одной стороны, речь идет о поезде, направляющемся в Россию, с другой, словосочетание обозначает тягу, влечение к России: «Поскольку влечение к России („pociąg do Rosji”) у нас в читательской крови, в вагон Ключаревой мы садимся без колебаний, мчимся с восторгом и с сожалением выходим, когда путешествие подходит к концу»¹⁷ (Р. Куркевич). История студента истфака Никиты, путешествующего по России «в поисках России», демонстрирует ее дальние уголки и приглашает в очередной раз задуматься о загадочности души его родины. Он едет и слушает чужие истории всевозможных недотеп: жены шахтера, торгующей носками, педагога-общественника, авангардной поэтессы, попа — завязтого курильщика, странствующего философа, информатика-лузера, ветеранов отечественной войны, гомосексуалиста-колхозника, непонятливого переводчика Жижика и многих других. В конце концов герой и сам решается действовать и иметь собственные суждения.

Мотив дороги и метафора поезда, которые связаны с многими великими произведениями русской и советской классики, на этот раз воплощают «историю о созревании к действию, к активному сопротивлению против злоупотреблений все более авторитарной политической и экономической власти»¹⁸. Роман Ключаревой, по словам И. Стокфишевского, — это следующий в русской литературе новейший арт-протест против олигархизации социальной действительности, в которой фантастическое умение поймать реальное и нереальное обжигающими руками литературной фантазии идет в паре с диссидентским мировоззрением, над которым развевается флаг с лицом Эдуарда Лимонова — символом массового сопротивления против правления Владимира Путина¹⁹.

Завершает портрет «другой» России и «другой» ее литературы снова женский голос — повесть Людмилы Петрушевской «Время ночь»²⁰ (1999), монодрама безработной поэтессы, которую заботит несчастливая судьба своих взрослых детей и маленького внука. Главная героиня — российское воплощение фигуры «Матери-Польки», женщины, посвятившей всю свою жизнь семье и воспитанию детей в духе

традиции и патриотизма. «Людмила Петрушевская в духе лучших традиций русской литературы — умеющей как никакая другая уловить и выразить в слове вибрацию человеческого страдания — создает портрет женщины, одинокой и полностью преданной семье» — так анонсирует книгу издательство²¹.

Пример книги Петрушевской иллюстрирует любопытный момент, касающийся разницы в комментариях польских и англоязычных, американских, которые также фигурируют на сайте. Суждения западных критиков, публикующихся в изданиях «Паблшерс Уикли» («Publishers Weekly»), «Санди Таймс» («Sunday Times»), «Гардиан» («The Guardian»), John Bayley, «Биг Исью» («The Big Issue»), сводятся к тому, что это «одна из самых сильных книг о нищете» (Amazon.com), «образ борьбы женщины за выживание в коммунистической России» (Booklist), история о «капризной жестокости судьбы и в то же время добровольной капитуляции» (The Independent on Sunday)²². Польские трактовки, в том числе польских феминисток, больше сосредотачиваются на общих точках соприкосновения с родной культурой и историей («Людмила Петрушевская рисует в своей книге образ русской „Матери-Польки“: замотанной, вечно с авоськами, уставшей и постоянно вытаскивающей своих детей из новых передрыг»²³; «подобно нашей Мадонне Очередей, которая несмотря ни на что верит в счастье»²⁴) или демонстрируют более универсальное прочтение: «необычный плач об упорной повторяемости судьбы, неразделенных чувствах, горечи жизненного поражения — и всё это в духе черной, ужасно грустной комедии родом из ада, в котором, как правило, нет прощения добрым делам, а зло всегда награждается. Во имя любви, конечно»²⁵.

Какие еще авторы и книги представлены в сериях анализируемого издательства? Из классики, а серия так и называется «Классика», можно найти повесть Андрея Платонова «Котлован»²⁶ (1930), считающуюся в Польше одной из главных книг XX столетия. И хотя это пример не новой российской прозы, он очень значим для понимания издательских стратегий. Это не переиздание уже существующих переводов, а новый перевод, имеющий новое название — не «Wykop», а «Dół» (т.е. семантика ближе к платоновской версии), и сделанный по наиболее достоверной версии повести, опубликованной Российской академией наук в 2000 г. По словам А. Стасюка, «не была в XX в. написана более привлекательная, страшная и мудрая книга о тоталитаризме и утопии [...]. Действие „Котлована” происходит в антимире,

в антидействительности, которая в конечном итоге оказалась, ох, насколько реальной»²⁷. Новое издание «Котлована», — замечает К. Сыска, — «это важное событие по двум причинам. Во-первых, дает шанс на обновление читателям Платонова — писателя, без преувеличения, гениального. Во-вторых, „Котлован“ чрезвычайно трудно поддается переводу [...]. В результате каждое последующее соизмерение с платоновским текстом — это новое качество»²⁸.

Серия «Проза мира» предлагает концептуальную повесть Владимира Сорокина «Метель»²⁹ (2010), которая завораживает постмодернистской смесью, замешанной на слове Чехова, народной сказке, футуристической фантазии. Снова образ дороги, а вернее — «российского бездорожья», которое, по словам М. Мизуро, «является одновременно и путешествием вглубь всей русской литературы»³⁰. «Метель» — больше чем художественное произведение, это, как отмечает «историософская концепция», «общественно-социологический памфлет»³¹ (С. Хосиньский), повод «ставить все новые и новые вопросы о России и россиянах» (Ш. Матьясек)³².

Серии «Проза мира» и «Вне серии» знакомят польского читателя с двумя книгами Елены Чижовой: «Время женщин»³³ (2010) и «Планета грибов»³⁴ (2014). Первая поднимает ленинградско-петербургскую, женскую и семейную темы на фоне страшных унижений тоталитарной системы: «Благодаря Елене Чижовой [...] мы имеем возможность приблизиться к тому забытому миру и выслушать тех, кому до сих пор не разрешалось говорить»³⁵. Во второй, «Планете грибов», — также повествование о социальных контрастах в России — вчера и сегодня, проблема прошлого, заложниками которого являются герои романа.

Сложную российскую реальность, жестокость системы, двойные стандарты, темные подпольные полумиры и отсталость провинции рисует — «волшебным» языком «безумия, грубости и пошлости, нежности и лирики, приправленной [...] „русским хардкором“»³⁶ — психологическая драма или политический триллер Захара Прилепина «Черная обезьяна»³⁷ (2011). А понять проблемы сегодняшних российских диссидентов помогают книги Михаила Ходорковского и Натальи Геворкян «Тюрьма и воля»³⁸ (2012) из серии «Вне серии», а также книга из серии «Репортаж» «12 несогласных»³⁹ Валерия Панюшкина, в которой представлены портреты новых российских диссидентов эпохи Путина.

IV. Подводя итоги

Этот краткий обзор представляет предвзятый и точечный выбор издательства, в котором прослеживается объединяющий все тексты фактор — изображение позднесоветской действительности и сегодняшней России, преемственности по отношению к прошлому (отсталость провинции, безумие современности, двойные стандарты, возрождение большевизма как проявление русского патриотизма, патология чеченской войны, мотив сопротивления против нарастающей авторитарной политической и экономической власти, новое диссидентское мировоззрение, портрет современных революционеров и т.д.). В подобной селекции наблюдается тенденция романтизации: поддержать национальную память о существовании «другой России», которая была известна в польском самиздате (интерес к текстам с ревизионистским и оппозиционным характером). И хотя издательство обошло прозу с ярко выраженным неосентиментальным характером по отношению к недавнему прошлому, оно не оставило без внимания творчество Прилепина, чья личная позиция именно таковой и является. Его книги привлекли польского читателя тем, что плохо известно, мало исследовано и непонятно для польского сознания, но что имеет место в постсоветском пространстве (например, портрет «новых» революционеров) и структурирует современную российскую идентичность. Видимо, то, что непонятно, то и привлекает — в какой-то степени, возможно, срабатывает национально-защитный рефлекс.

Новая русская проза в контексте издательской политики/стратегии входит в диалог с новой прозой других стран, переживших крах коммунистической утопии и фиаско исторического эксперимента. В целом создается общее поле/пространство опыта, воспоминаний и диагностика состояний времен «после», вырисовывается некая горизонтальная перспектива взаимодействия примерно одного поколения разных стран. Это не только интересный «букет» для компаративистских исследований в области истории и культуры, но и попытка опосредованно (освещая опыт Другого) проанализировать и переработать свой опыт, собственную живую социальную память, ибо взгляд «чужого на чужое» всегда способствует углублению понимания «своего».

«Выдавецтво Чарне» вносит свой вклад в создание образа новой литературы соседа, руководствуясь при отборе наличием в текстах непосредственной оценки изменений в национальном сознании. Из-

дательство не преследует цели реконструировать реально существующую картину или максимально к ней приблизиться. Наоборот, оно включает собственные «фильтры» и работает с текстами, отвечающими задуманному проекту (т.е. несущими в себе «память»), дает свои «домашние» оценки.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Sznajderman M.*: Trzeba trzymać się życia, nie myśleć o sukcesie. Wywiad. URL: <http://kultura.gazetaprawna.pl/artykuly/1004698,monika-sznajderman-wywiad-czarne.html> (дата обращения: 21.04.2018).
- ² URL: <https://czarne.com.pl/katalog/serie/sulina> (дата обращения: 21.04.2018).
- ³ URL: <https://czarne.com.pl/katalog/serie/reportaz> (дата обращения: 21.04.2018).
- ⁴ *Wasilenko S.* Głuptaska. Wołowiec, 2007. Тłум. Jerzy Czech.
- ⁵ URL: <https://czarne.com.pl/katalog/ksiazki/gluptaska> (дата обращения: 21.04.2018).
- ⁶ Ibidem.
- ⁷ Ibidem.
- ⁸ URL: <https://czarne.com.pl/katalog/ksiazki/sankja> (дата обращения: 21.04.2018).
- ⁹ *Prilepin Z.* Patologie. Wołowiec, 2010. Тłум. Małgorzata Buchalik.
- ¹⁰ URL: <https://czarne.com.pl/katalog/ksiazki/patologie> (дата обращения: 21.04.2018).
- ¹¹ Ibidem.
- ¹² *Sadulajew G.* Jestem Czeczenem. Wołowiec, 2011. Тłум. K. Rawska-Górecka, Wojciech Górecki.
- ¹³ *Садулаев Г.* Я чеченец. Екатеринбург, 2006 // URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/1027269/Sadulaev_-_Ya_-_chechenec.html (дата обращения: 21.04.2018).
- ¹⁴ URL: <https://czarne.com.pl/katalog/ksiazki/jestem-czeczenem> (дата обращения: 21.04.2018).
- ¹⁵ Ibidem.
- ¹⁶ *Kluczariowa N.* Wagon Rosja. Wołowiec, 2010. Тłум. Małgorzata Buchalik.
- ¹⁷ URL: <https://czarne.com.pl/katalog/ksiazki/wagon-rosja> (дата обращения: 21.04.2018).
- ¹⁸ Ibidem.
- ¹⁹ Ibidem.
- ²⁰ *Pietruszewska L.* Jest noc. Wołowiec, 2012. Тłум. Jerzy Czech.
- ²¹ URL: <https://czarne.com.pl/katalog/ksiazki/jest-noc> (дата обращения: 21.04.2018).
- ²² Ibidem.
- ²³ Ibidem.
- ²⁴ Ibidem.
- ²⁵ Ibidem.
- ²⁶ *Platonow A.* Dół. Wołowiec, 2017. Тłум. Adam Pomorski.

-
- ²⁷ URL: <https://czarne.com.pl/katalog/ksiazki/dol> (data обращения: 21.04.2018).
- ²⁸ Ibidem.
- ²⁹ *Sorokin W.* Zamieć. Wołowiec, 2013. Tłum. Agnieszka Lubomira Piotrowska.
- ³⁰ URL: <https://czarne.com.pl/katalog/ksiazki/zamiec> (data обращения: 21.04.2018).
- ³¹ Ibidem.
- ³² Ibidem.
- ³³ *Czyżowa J.* Czas kobiet. Wołowiec, 2013. Tłum. Agnieszka Sowińska.
- ³⁴ *Czyżowa J.* Grzybica. Wołowiec, 2016. Tłum. Agnieszka Sowińska.
- ³⁵ URL: <https://czarne.com.pl/katalog/ksiazki/czas-kobiet> (data обращения: 21.04.2018).
- ³⁶ URL: <https://czarne.com.pl/katalog/ksiazki/czarna-malpa> (data обращения: 21.04.2018).
- ³⁷ *Prilepin Z.* Czarna małpa. Wołowiec, 2013. Tłum. Ewa Rojewska.
- ³⁸ *Gieworkian N., Chodorkowski M.* Więzień Putina. Wołowiec, 2012. Tłum. Agnieszka Sowińska.
- ³⁹ *Paniuszkin W.* Dwanaścioro niepokornych. Portrety nowych rosyjskich dysydentów. Wołowiec, 2011. Tłum. Jerzy Czech.